

Самохин Константин Владимирович

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА: ПЕРВЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию военного фактора как механизма российской модернизации на примере Северной войны. Автор акцентирует внимание на органичности модернизационных процессов в России как залого их успешной реализации. Основным выводом является положение о том, что Северная война лишь только начала трансформировать российское общество первой четверти XVIII в. в экономической и социальной сферах, слабо сказавшись на политике и духовных ценностях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 180-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.422+355.01

Статья посвящена исследованию военного фактора как механизма российской модернизации на примере Северной войны. Автор акцентирует внимание на органичности модернизационных процессов в России как залого их успешной реализации. Основным выводом является положение о том, что Северная война лишь только начала трансформировать российское общество первой четверти XVIII в. в экономической и социальной сферах, слабо сказавшись на политике и духовных ценностях.

Ключевые слова и фразы: Северная война; модернизация; Россия; механизм российской модернизации; органичность российской модернизации; военный фактор.

Константин Владимирович Самохин, к.и.н., доцент
Кафедра «История и философия»
Тамбовский государственный технический университет
kon-sam@yandex.ru

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА: ПЕРВЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ®

290-летию победного окончания Северной войны посвящается.

Теория модернизации, зародившаяся в 60-е гг. XX века в США как одно из идеологических средств противостояния Востока и Запада в ходе холодной войны, продолжает будоражить умы современных политологов, философов, историков, социологов. Являясь в тот период спекулятивным моментом идейного противоборства между капиталистическими и социалистическими странами, подвергаясь интенсивной критике в западной науке в 70-е гг. XX века, она, практически уничтоженная на корню, возродилась в конце 80-х гг. и занимает одно из первенствующих мест среди современных дискурсов, объясняющих общественное развитие многих стран начиная с XVI-XVII веков [2]. Несмотря на столь относительно нелицеприятный подтекст появления, популярность этой концепции, растущая в нашей стране с 90-х гг. прошлого века, в определенном смысле является доказательством её научной состоятельности. В отечественной исторической науке подобный всплеск интереса объясняется, прежде всего, сменой исторической парадигмы на рубеже 80-х – 90-х гг. XX века, когда формационный подход к истории перестал полностью удовлетворять российских учёных, а перенять один из цивилизационных, господствующих в те времена на Западе, они полностью не смогли. И как переходная модель в меняющейся исторической методологии среди них стала активно обсуждаться теория модернизации [11, с. 156-158].

В начале XXI века в России последовал очередной бум исследований, касающихся различных проблем модернизационного развития общества: от методологических концептов до региональных аспектов. Его причиной стала политическая конъюнктура, связанная с выбранной В. В. Путиным на второй срок президентства стратегией на модернизацию России [7]. Так как указанная стратегия продолжает реализовываться и по сию пору, странички Интернета просто пестрят исследованиями и публицистическими статьями, в которых делаются попытки оценить успешность проводимого правительством курса, подводятся его определенные итоги и временами даются рекомендации о необходимой коррекции. В связи с вышеуказанным очередное обращение к историческому прошлому нашей страны, к началу модернизационных процессов в России будет нелишним, так как позволит сделать столь необходимые выводы о возможных причинах успешности (или безуспешности) проводимой правительством стратегии модернизации.

В данной статье не ставится в качестве основной цели рассмотреть методологические основы теории модернизации, так как они уже исследовались нами ранее [11; 12]. Поэтому, касаясь этого аспекта, мы будем пользоваться уже готовыми выводами из предшествующих работ, а основной задачей этой статьи является оценка изменений различных сфер жизнедеятельности общества в Российском государстве начала XVIII века под воздействием Северной войны, их органичности и эффективности в поле модернизационных процессов, имеющих место в те времена в развитии западной цивилизации.

Модернизация оценивается как комплексный процесс, проявляющийся во всех сферах жизнедеятельности общества. В экономике осуществляются построение основ рыночной системы и индустриализация. В социальной сфере отмечаются рост социальной мобильности и урбанизация. В политике создаются черты гражданского общества и правового государства. А в духовной сфере намечается мультикультурализм, складывающийся на базе общечеловеческих ценностей [7].

Стоит отметить, что советские историки отрицали наличие процесса экономической модернизации России в первой четверти XVIII века. Они апеллировали к существованию крепостнической системы хозяйствования, что в принципе противоречит чертам капиталистического общества в экономическом и социальном планах [13, с. 13-14]. В определённом смысле продолжением данной позиции является точка зрения В. А. Красильщикова. Главную причину неудачных попыток модернизировать Россию он видит в неорганичности этого процесса, когда на рубеже XIX-XX веков и в 30-е – 50-е годы XX века сложилась так называемая имперская модель модернизации. Основной целью модернизационного механизма при Романовых и Сталине было поддержать

военно-политическое влияние державы и укрепить ее позиции в мире, что приводило к укреплению ВПК и созданию сильной армии, в то время как в отсталом состоянии находились гражданские отрасли экономики и социальная сфера, а политический режим характеризовался авторитарностью [6, с. 47]. В данном случае следует согласиться с этим мнением и признать, что высокая степень продолжительности модернизационного процесса в Российском государстве и частые неудачи верховной власти, пытавшейся двигаться в этом русле, обусловлены отсутствием гармоничного сочетания элементов перехода от традиционного общества к индустриальному.

Как правило, за Россией, относимой к странам второго эшелона, закрепляется догоняющая модель модернизации. При этом государства первого эшелона (Западная Европа и Северная Америка), относящиеся к органичному типу модернизационных процессов, являются локомотивом при переходе от традиционного (аграрного) общества к индустриальному [Там же, с. 44-45]. Следовательно, Россия должна была идти по пути, уже пройденному странами западной цивилизации. И в данном случае правомерно применить концепцию А. Дж. Тойнби «Вызов – Ответ»: государства западной индустриальной цивилизации пытались включить страны второго эшелона в орбиту своего влияния, и в частности в поле модернизации [12, с. 250-255]. Но поскольку перестройка России, Японии, Турции, части стран Восточной Европы и Латинской Америки шла достаточно медленными темпами, то западноевропейские и североамериканские государства стремились ускорить эти процессы при помощи военных действий [11, с. 164, 167-178]. Итак, война является основным фактором российской модернизации.

Следует заметить, что войны на протяжении истории человечества играли различную роль, и их влияние на те или иные процессы общественного развития зависело от масштабности боевых действий. В итоге на более поздних этапах мировой истории большое значение стала иметь ментальность участников боевых действий. Таким образом, чем шире масштаб войны, тем большую роль играет в ее основе ценностно-духовный фактор, то есть при увеличении количества участников и площади территории вектор войны смещается следующим образом [10, с. 81-83]: экономическая доминанта → социально-политическая доминанта → ценностно-духовная доминанта.

Именно через призму вышеизложенных положений нами оценивается влияние Северной войны на модернизационные процессы России в первой четверти XVIII века.

Как известно, Северная война проходила в 1700-1721 гг., и её основными причинами являлись: потребность в выходе России к Балтийскому морю для успешного развития торговли и русской экономики в целом, а также необходимость повышения авторитета нашей страны на международной арене. Итог боевых действий традиционно оценивается как один из наиболее успешных за всю историю существования Российского государства. Россия получила Балтийское побережье, стала империей, от её позиции очень часто зависел внешнеполитический курс большинства ведущих европейских держав. Но это очевидная, наиболее прослеживаемая информация.

За такими колоссальными успехами стоит большая кропотливая работа по перестройке основ русской государственности и условий её существования. Очень часто преобразования Петра I оценивают как вестернизацию, которая осуществлялась без учёта российских реалий [7]. Но это крайне упрощенный подход. Безусловно, деятельность Петра Великого была направлена на приобретение опыта, накопленного западными державами, и его активное внедрение в различные сферы жизни русского общества, но сам реформатор, естественно, следил за результатами своих преобразований и в случае необходимости подвергал их коррекции или отказывался от них в принципе. Эта точка зрения не может считаться преувеличением, так как исследователи очень часто отмечают мелочную опеку первого российского императора над ходом своих разновеликих реформ: от создания армии и флота, основ государственного управления страной до применения определённых орудий труда при уборке хлеба и украшения домов во время празднования Нового года [8, с. 434-514]. Поэтому деятельность Петра нельзя отнестись к простой вестернизации, в ней следует видеть начало модернизационного процесса в России.

Сам Пётр высоко оценивал войну в ходе своей государственной деятельности. Об этом свидетельствуют две цитаты. Одна относится к воспоминаниям царя о 1695 г., когда готовился первый Азовский поход: «Хотя в ту пору, как трудились под Кожуховом в марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было, однако эта игра стала предвестницей настоящего дела» [Цит. по: Там же, с. 39]. Другая является отрывком из письма к царевичу Алексею от 1715 г.: «Я не научаю тебя, чтоб охоч был воевать без законные причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона» [Цит. по: Там же]. Таким образом, две основные составляющие «ремесла» правителя – война и государственное устройство – неотделимы и тесно переплетаются. Об этом свидетельствует практически весь период царствования Петра I, большую часть которого олицетворяла собой Северная война, и все его преобразования так или иначе были с ней связаны: либо прямо обусловлены ведением боевых действий и исходили из нужд армии и флота, либо косвенно сочетались с этими потребностями.

Оценивать реформы Петра Великого будет логичнее, исходя из сфер жизнедеятельности российского общества указанного периода. Это позволит определить степень органичности, а равно и успешности модернизационного процесса в России.

В экономике Северная война привела, в первую очередь, к изменению налоговой системы, развитию торговли и мануфактурного производства. Безусловно, сам (на тот момент будущий) император понимал большое значение здоровой финансовой системы для ведения боевых действий. Об этом свидетельствуют его следующие высказывания: «...чтобы деньги бережны везде были на нужные в военный поход расходы», «денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерия войны» [Цит. по: 4, с. 270].

Как и большинство реформ Петра I, изменения в налоговой системе носили хаотичный характер. В первую очередь, был создан новый порядок сбора старых повинностей и финансового управления, когда одни правительственные учреждения лишались права сбора податей, а другие его приобретали. Созданная в 1699 г.

Ратуша сосредоточила в своих руках сбор основных на тот момент налогов – таможенных и кабацких платежей. Но главной цели – полного обеспечения армии и флота – эти перемены не смогли достичь. В данном случае делалась интуитивная попытка ограничить казнокрадство и увеличить сбор налогов [Там же, с. 271-273].

В самом начале Северной войны Пётр пытался использовать старые средства пополнения казны – перечеканку старых монет в новые (с понижением веса) и введение новых денежных единиц. Это дало временный выход из финансовых затруднений, но привело к обычным в таких случаях отрицательным последствиям монетаризма: инфляции, повышению цен и фактическому снижению суммы собираемых налогов [Там же, с. 274].

Дальнейшие регулярные попытки Петра увеличить поступления в казну за счет введения новых сборов, осуществляемых специально для этого созданной Ингерманландской канцелярией, проблеме не решали, так как бюджетный дефицит возрастал с каждым годом, а займы для победителя в битве под Полтавой были недоступны. Становилась очевидной мысль о том, что изменять существующее положение вещей следует кардинально, тем более что проведенная в 1710 г. перепись населения зафиксировала сокращение податной базы. Главной причиной этого факта является традиционное желание крестьянства уклониться от налогов. В итоге в 1718 г. начала проводиться новая перепись, учитывающая не только крестьян, но и дворовых людей, холопов и церковников. 1722 г. ознаменовался пересмотром переписных данных (ревизией) – этот процесс проходил при непосредственном участии генералов и офицеров. В дальнейшем была проведена раскладка необходимых сумм на содержание полков в каждой из вновь созданных губерний и возникла подушная подать [Там же, с. 288-293].

Конечно, эти действия Петра невозможно полностью включить в рамки модели экономической модернизации, разработанной Д. Травиным и О. Морганом. Её основная сущность отражена в двух базовых моментах: в первую очередь, при помощи монетарных средств добиваются устойчивого курса национальной валюты, а затем переходят к разработке мер фискальной политики [14]. Но отдалённое сходство можно найти. Что касается стабильности рубля, то здесь Пётр I приложил максимум усилий для увеличения темпов инфляции. А вот в отношении упорядочения налоговой системы определённые положительные сдвиги можно найти.

Если говорить о развитии мануфактурного производства, которое является началом и основой последующих рыночных отношений, то и тут важную роль сыграла Северная война. Многие отрасли будущей российской промышленности получили мощный толчок для своего развития в связи с необходимостью обеспечения регулярной армии и флота вооружением, обмундированием, продовольствием и т.д. Но нельзя сбрасывать со счетов особенности русской мануфактуры, и в первую очередь – широкие масштабы применения крепостного труда, а также высокую степень огосударствления мануфактурного производства.

Отдельные преобразования Петра указывают на применение не только административных методов в экономической политике, но и на использование рыночных рычагов. Так, исследователи отмечают передачу купцам казённых мануфактур на льготных условиях, предоставление крупным промышленникам права беспошлинной торговли изделиями своих предприятий, отказ правительства от монопольных прав на продажу за границу ряда ходовых товаров, протекционистские меры (таможенный тариф 1724 г.) и др. [8, с. 491]. Да и политика меркантилизма, проводимая Петром Великим в отношении торговли, говорит сама за себя, а получение Россией Балтийского побережья, что являлось прямым следствием Северной войны, конечно же, значительно стимулировало развитие торговых отношений с иностранными государствами.

Однако доводы советских историков о наличии крепостного права в России, которое препятствовало созданию рынка свободной рабочей силы, а вместе с тем и развитой промышленности мирового уровня, нельзя сбрасывать со счетов. Потому следует сделать вывод о том, что Северная война способствовала появлению лишь только первых подвижек в модернизации российской экономики.

Политическая сфера ознаменовалась большим количеством реформ, касающихся преимущественно изменений в системе управления Россией как на центральном уровне, так и на местах. Во многом эти реформы были также обусловлены Северной войной.

Во-первых, появление Сената в 1711 г. было связано с частыми отлучками Петра из столицы для личного руководства боевыми действиями. Поначалу этот орган воспринимался исключительно как временное учреждение и лишь позже обрёл постоянный характер [Там же, с. 442].

Во-вторых, появление коллегий опосредованно также определялось ведением войны. Регулярно руководя войсками, пребывая на театре боевых действий, Пётр не мог выкроить достаточно времени для планомерного проведения этой реформы государственного управления, но нужды, которые возникали в ходе военного конфликта со Швецией, требовали от русского царя создания новых органов в том случае, если старые не могли выполнить эту функцию [4, с. 186]. Таким образом, появились первоначально прообразы будущих коллегий, которые затем, начиная с 1712 г., при непосредственном участии Петра стали приобретать свои более явные черты. Та же война неоднократно вмешивалась в данный процесс, когда император, создав коллегию для внешней торговли, вынужден был отложить формирование последующих вплоть до 1715 г. Фактически весь этот политический институт полноценно стал функционировать лишь только к концу царствования Петра I [8, с. 443-447].

В-третьих, проведение губернской реформы было прямо обусловлено Северной войной. Созданные в ходе военных действий регулярная армия и флот требовали существенного финансирования на свое содержание. Именно в силу этого факта территория империи была поделена на восемь (позже десять) губерний, в каждой из которых расквартировывались гарнизоны (так называемая постоянная повинность), а собираемая с этих территорий подушная подать шла на их содержание. Пять из этих губерний являлись приморскими и обеспечивали таким же образом нужды флота [4, с. 210-214].

Подводя определённые итоги, нельзя не заметить, что многие из выше перечисленных административных реформ проводились преимущественно по шведскому образцу, что тоже является одним из следствий Северной

войны. В частности, при создании коллегий Пётр пытался воспользоваться датскими образцами, так как считал, что шведские центральные органы управления были сформированы аналогично, а напрямую, в связи с ведением боевых действий, подробно ознакомиться со всей документацией и практикой работы в Швеции не было никакой возможности. Но позже царь преодолел это препятствие, отправив с датским паспортом на территорию соперницы России по Северной войне Генриха Фика [8, с. 443]. Именно этот немецкий камералист, нанятый на русскую службу, оказал существенное влияние не только на создание коллегий, но и на реформирование органов местного управления в губерниях именно по шведскому образцу [4, с. 209-216].

Конечно, исходя из этих фактов, говорить о предпосылках создания гражданского общества и правового государства на территории России не представляется возможным. Более того, форма правления русского государства первой четверти XVIII века, без сомнения, указывается как абсолютная монархия (иногда добавляют «полицейского типа», в противовес «просвещенному абсолютизму»), а политический режим определяется как авторитарный. Аргумент о том, что во многих государственных органах при осуществлении их функций применялся принцип коллегиальности, что можно якобы отнести к зачаткам либерализации государственного управления, вряд ли можно считать убедительным. Безусловно, весь государственный механизм полностью подчинялся абсолютной власти монарха. И в данном случае можно сделать вывод о том, что политическая модернизация России не имела никаких проявлений в период правления Петра I.

В данном случае следует отметить определённое противоречие между ожидаемыми результатами и механизмом осуществления. Как известно, войны, имеющие крупномасштабный характер для государства, требуют консолидации сил общества и государства, что во многом предполагает смещение вектора политической системы в сторону антидемократических режимов, являющихся прямой противоположностью гражданского общества и правового государства. Именно этот факт, на наш взгляд, необходимо считать основной причиной неудач политической модернизации Российского государства в ходе Северной войны.

Социальная сфера жизнедеятельности российского общества первой четверти XVIII века находилась полностью под воздействием крепостного права, начавшего формироваться на территории нашей страны в XIV-XV веках и получившего законченный вид в 1649 г., в результате принятия Соборного Уложения. Невозможно согласиться с доводами, что именно крепостные порядки являлись главным препятствием на пути социальной модернизации России, так как практически полностью исключали механизм социальной мобильности для крестьянства, а если применить знаменитую теорию «закрепощения сословий», столь популярную в дореволюционной отечественной историографии и возрождающуюся интенсивными темпами в наши дни, то и для остального населения России. Аналогично можно оценить значение крепостного права и для развития урбанизации.

Социальная политика Петра I по отношению к крестьянству, ремесленникам и купцам была обусловлена, в первую очередь, податной реформой 1718-1724 гг. и созданием регулярной армии в начальный период Северной войны. Введение подушной подати следует считать очередной вехой в развитии крепостного права в России, так как оно способствовало дальнейшему закрепощению не только основной массы сельского населения, но и городского, сюда же следует добавить категорию так называемых «гулящих людей» и холопов, которые ранее могли обрести свободу после смерти господина. Ещё одним важным итогом подушной реформы следует считать появление разряда государственных крестьян, также включенных в сферу феодальной эксплуатации и выплачивающих государству дополнительный, наряду с подушной податью, 40-копеечный оброк (что приравнивало их к владельческому крестьянству). Проведенная в стране ревизия, являющаяся одним из важных моментов податной реформы, стала основой для введения паспортной системы, которая фактически являлась эффективным средством для борьбы с беглыми крестьянами [8, с. 489-490]. Как известно, введение подушной подати было вызвано необходимостью содержания регулярной армии и флота, и потому закономерно её считать прямым следствием Северной войны.

Перечисленные выше меры убедительно доказывают наличие в России огромнейшего барьера на пути социальной модернизации, более того, можно сделать вывод о том, что правительство даже целенаправленно препятствовало этому процессу. С другой стороны, в создании регулярной армии и флота, начатом ещё до 1700 г. и связанном на тот момент с Азовскими походами, но тем не менее полностью воплощенном только лишь в период Северной войны, нельзя не видеть элементов социальной мобильности. Конечно, с темпами, масштабами и характером обозначенного процесса в развитом индустриальном обществе их не сравнить, но определенные подвижки в этой области всё-таки стоит отметить.

Подсчёты, показывающие размеры увеличения численности русской армии в результате петровских реформ, могут быть делом неблагодарным, так как цифры, приводимые в данном аспекте различными исследователями, страдают большой степенью приблизительности. Но общее представление о процессе социальной мобильности российского населения, вызванном Северной войной, они могут дать. Так, основные военные силы Русского государства к началу царствования Петра I по росписи от 1689 г. насчитывали около 200 000 человек [3, с. 16]. К концу царствования, включая и личный состав флота, – около 250 000 человек [Там же, с. 59]. Однако кажущаяся на первый взгляд небольшая разница не показывает всей глубины и масштабности произошедших изменений. Из учебника в учебник «кочует» информация о 53 наборах в регулярную армию и флот, имевших место с 1699 по 1725 гг. и давших более 284 тысяч рекрутов [1]. Это достаточно солидная цифра, исходя из общей численности крестьянского и городского населения Российского государства по результатам переписи 1718 г., приравнивавшейся примерно к 15,5 млн человек (с учётом Сибири, Прибалтики и Украины) [8, с. 487].

В определенном смысле проявлением социальной модернизации можно считать ряд мер, предпринятых Петром I и в отношении дворян. Суть его политики по отношению к служилому сословию можно выразить словами С. Князькова: «Занятый почти всё время царствования войной, Пётр так же, как и его предки, если

не больше, нуждался в прикреплении сословий к определённом делу, и при нём прикреплению служилаго сословия к войне было таким же нерушимым принципом, как и в XVII веке» [4, с. 347]. В данном случае очевидно последовательное применение автором теории «закрепощения сословий», которая, по идее, должна противоречить теории модернизации. Но на самом деле это не совсем так.

Безусловно, дворяне в результате петровских реформ не меняли своей сословной принадлежности, но суть их деятельности в отбывании государственной службы меняется кардинальным образом. Дворянство теперь было занято преимущественно в регулярной армии и на флоте, а также в новых органах государственного управления и суда, созданных в период правления Петра Великого. Для того чтобы дворяне качественно и эффективно выполняли свои обязанности, Пётр I вводил обязательное обучение дворянских сыновей. В качестве примера можно привести широко известный в тот период институт волонтёрства, который дополнял обязательной школьной повинностью в пределах страны [Там же, с. 349-353]. Итогом этой группы петровских реформ стал принятый в 1714 г. Указ о единонаследии, в котором право наследования дворянских имений закреплялось только за одним из сыновей умершего дворянина, а остальные, как предполагалось, должны были обеспечивать себя при помощи государственной службы.

В определённой мере средством, способствовавшим социальной мобильности русского общества первой четверти XVIII века, была изданная в 1722 г. «Табель о рангах». Как известно, Пётр с её помощью уравнил военные, статские и придворные чины, но приоритет оставил за военной службой, что опять-таки можно считать влиянием Северной войны. При этом приобрести потомственное дворянство можно было, достигнув 14-го класса в военных чинах и 8-го класса в гражданских. Дойдя до 14-го класса в гражданских чинах, русские подданные могли претендовать лишь на личное дворянство. Нельзя сказать, что значение «Табели о рангах» приравнивается по своей значимости к трём «лифтам» социальной мобильности – армии, школе и церкви, выделенных в известной теории социальной стратификации П. Сорокиным, но определённым элементом, заложившим основы для изменения своего социального положения некоторыми слоями и категориями русского общества (а скорее всего, их отдельными представителями), она стала.

Таким образом, можно сделать вывод о глубине, качестве и эффективности модернизации российского общества в социальной сфере. Исходя из предложенного выше анализа, необходимо отметить, что Россия не обладала всеми необходимыми условиями для повышения уровня социальной мобильности и стимулирования процесса урбанизации. Главным препятствием в этом отношении, безусловно, следует считать крепостное право. Но Северная война внесла в социальную модернизацию российского общества первой четверти XVIII века свои коррективы. Если уровень роста городского населения практически не менялся, то социальная мобильность имела место у многих слоёв населения России. А так как её масштабы, по сравнению со странами Западной Европы, были не велики и осуществлялась она при прямом контроле и принуждении государства, то нужно придать ей значение лишь только начального периода на пути сложного и извилистого развития модернизационных процессов в Российском государстве.

Духовная сфера жизнедеятельности русского общества подверглась также относительно немногим изменениям. Преобразования ценностных установок в духовном мире русского человека касались преимущественно высших слоёв населения, в то время как крестьяне, представляющие собой подавляющее большинство населения России, сохранили традиционные ценности.

Следует начать с того, что все церковные реформы Петра Великого являлись органичным продолжением политики его предшественников, направленной на установление абсолютистских тенденций в управлении Российским государством. Они касались, в первую очередь, подчинения Церкви как социального института светской власти. Духовные аспекты, являющиеся основой внутреннего мира каждого русского человека того периода, они фактически не затрагивали. Создание Синода в 1721 г. не являлось прямым, и даже опосредованным, итогом Северной войны. Реформа наметилась ещё в 1700 г., определённым толчком к ней стала смерть патриарха Адриана, а потому ведение боевых действий здесь вряд ли играло какую-либо существенную роль. Если сравнить этот процесс с западноевропейской модернизацией, то там движение Реформации, направленное в первую очередь на изменение духовных основ европейского общества, имело огромное значение. В России же православие, причём в самом ортодоксальном виде, по-прежнему сохранило свои лидирующие позиции в духовном плане. И этот вывод касается не только низших, но и высших слоёв населения.

Безусловно, быт и определённые ценностные установки дворянства подверглись существенным изменениям в ходе реформаторской деятельности Петра I. Сам факт брандобрития бояр, неоднократные указы верховной власти о введении одежды европейского покроя в тех или иных случаях, активные меры первого российского императора по организации образовательного процесса для отпрысков дворянских родов, введение ассамблей, значительно изменивших положение женщин высших сословий [8, с. 547-548], – всё это значительно повлияло на трансформацию жизни основной социальной базы существующего режима. Причём Северная война сыграла в данном случае немаловажную роль. Ведение боевых действий требовало квалифицированных специалистов, и создаваемые Петром Великим школы различного профиля преследовали в первую очередь именно эту цель. Женщины очень часто приглашались на самые разнообразные празднества по случаю побед в ходе Северной войны. Определённым примером должны были служить жена Петра Екатерина, его сестра Наталья, невестка с тремя племянницами, которые всегда настойчиво приглашались царем на торжественные маскарады и фейерверки по указанному случаю и не только. Это, конечно же, повлияло и на бытовые реалии дворянского сословия. Финальным аккордом в данном направлении можно считать основание и строительство новой столицы Российского государства – Санкт-Петербурга (опять же непосредственно под влиянием Северной войны), который стал символом города с новым укладом жизни русского общества [4, с. 580-612; 8, с. 514-548].

Высшие слои городского населения во многом пытались соответствовать новым тенденциям, возникшим в дворянской среде, а что касается средних и низших слоев посадских людей, а также крестьянства, то никаких радикальных изменений не произошло. Следует отметить активные усилия Петра в создании системы всеобщего образования, выразившиеся в основании многочисленных цифирных школ в уездных провинциальных городах. Но попытки царя ввести всеобщую начальную школу встретили неприятие различного рода среди низших слоев населения России. Их базовые ценностные установки фактически не подверглись никаким изменениям. И для абсолютного большинства русского общества первой четверти XVIII века в качестве основных компонентов духовного мира по-прежнему остались: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость), монархизм, общинный коллективизм, сочетающийся с индивидуальными началами [5; 9, с. 91-102].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что духовная сфера российского общества первой четверти XVIII века подверглась преимущественно «косметическим» изменениям. Быт и духовный мир дворянского сословия претерпел радикальные модификации, а вот аналогичные факторы жизни низших слоев населения по-прежнему базировались на традиционных установках. И снова необходимо повторить мысль о том, что Северная война в этом плане стала лишь только начальным этапом.

В заключение данного исследования хотелось бы подвести определённые итоги модернизаторских усилий Петра Великого, вызванных Северной войной. Стоит заметить, что конфликт России и Швеции носил преимущественно локальный характер, потому его масштабность не позволила оказать существенное влияние на трансформацию всех сфер жизнедеятельности российского общества первой четверти XVIII века. В этой войне присутствовали экономическая и частично социально-политическая доминанты, а вот до духовной дело пока ещё не дошло. В итоге органичность российской модернизации указанного периода пока ещё не была достигнута, и в этом следует видеть основную причину определённой неудачи Петра I в его попытках кардинально изменить условия существования нашей страны в рамках перехода от традиционного общества к индустриальному. Потому Северную войну следует оценить лишь только как начало модернизационных процессов в России.

Список литературы

1. **Боханов А. Н., Горинев М. М.** История России с древнейших времён до конца XX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bohan_2/15.php (дата обращения: 23.09.2001).
2. **Калхун К.** Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал [Электронный ресурс]: лекция, прочитанная 17.01.2006 в рамках проекта «Русские чтения». URL: <http://www.inor.ru/files/calhoun.doc> (дата обращения: 14.09.2011).
3. **Керсновский А. А.** История русской армии: в 4-х т. М.: Голос, 1992. Т. 1. 304 с.
4. **Князьков С.** Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914. 668 с.
5. **Кожевникова Л. М.** Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85-90.
6. **Красильщиков В. А.** Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40-56.
7. **Модернизация России и Европа** [Электронный ресурс]: материалы круглого стола, проведенного 18.03.2004. URL: <http://council.gov.ru/files/journalsf/item/20061016093200.pdf> (дата обращения: 14.09.2011).
8. **Павленко Н. И.** Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
9. **Поршнева О. С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны: 1914 – март 1918. Екатеринбург, 2000. 416 с.
10. **Самохин К. В.** Многоликая война // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 81-83.
11. **Самохин К. В.** Модернизация, Первая мировая война и Россия // Гуманитарные науки: проблемы и решения: межвузовский сборник научных статей / под ред. А. А. Слезина. СПб.: Нестор, 2006. Вып. 4. С. 156-180.
12. **Самохин К. В.** Трансформации крестьянского менталитета в годы Первой мировой войны (на материалах Тамбовской губернии) // Первая мировая война: поиски подходов к исследованию, приглашение к диалогу: доклады Академии военных наук (военная история). Саратов, 2006. № 5 (23). С. 249-255.
13. **Тарле Е. В.** Северная война и шведское нашествие на Россию: избранные сочинения: в 4-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. Т. 3. 672 с.
14. **Травин Д., Моргания О.** Европейская модернизация: в 2-х кн. М., 2004. Кн. 1. 665 с.; Кн. 2. 572 с.

GREAT NORTHERN WAR: RUSSIAN MODERNIZATION FIRST EXPERIENCE

Konstantin Vladimirovich Samokhin, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Tambov State Technical University
kon-sam@yandex.ru

The author researches military factor as Russian modernization mechanism by the example of the Great Northern War, emphasizes the wholeness of modernization processes in Russia as the keystone to their successful implementation and comes to the main conclusion that the Great Northern War only started to transform Russian society in the first quarter of the XVIIIth century in economic and social spheres and weakly affected politics and spiritual values.

Key words and phrases: Great Northern War; modernization; Russia; Russian modernization mechanism; Russian modernization wholeness; military factor.